

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.44

УДК 94:917.3

ББК 63.3

Ц.С. ОЧИРОВ

МОНГОЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1921 Г. В РАБОТАХ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ*

Статья посвящена изучению работ некоторых китайских исследователей, затрагивавших вопросы монгольской революции 1921 г., а также и проблеме независимости Монголии. Автор приходит к выводу, что труды китайских

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-59-44004\19 «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира» (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.)

историков можно разделить на две группы: 1) не признающие монгольский суверенитет; 2) согласующиеся с традиционным советским и монгольским видением новейшей истории Монголии. Особое внимание в работе уделено и ряду других вопросов, связанных с историей Монголии в конце XIX — первой половине XX вв.

Ключевые слова: Монгольская народная революция, китайские историки, независимость, Советская Россия, Монгольская народная партия.

TS.S. OCHIROV

THE MONGOLIAN PEOPLE'S REVOLUTION OF 1921 IN THE WORKS OF SOME CHINESE SCIENTISTS

The article is devoted to the problem of the Mongol revolution of 1921 and the independence of Mongolia for modern China. In Russian historiography, this problem is not adequately addressed, although in fact the events of the Mongol revolution of 1921 and its consequences were of great importance for China. Undoubtedly, the independence of Outer Mongolia declared after the revolution is a great territorial loss for China, which is clearly expressed in the present position of the PRC. Therefore, in this work, much attention is paid to the works of Chinese authors.

Keywords: Mongolian people's revolution, Chinese historians, independence, Soviet Russia, Mongolian People's Party.

В отношениях между КНР и Монголией в последнее время наблюдается «оттепель» после непростого периода взаимодействия этих стран в XX в. Основные причины разногласий и споров упирались в вопрос независимости Внешней Монголии. После Монгольской народной революции 1921 г. под руководством Сухэ-Батора и поддержки Советской Россией была провозглашена независимость Монголии. Этот момент до сих пор вызывает множество вопросов со стороны китайских властей, политиков и интеллигенции. Поэтому в данной статье проанализированы некоторые, доступные нам, работы китайских специалистов, описывающих проблематику монгольского суверенитета, причины и последствия Монгольской народной революции 1921 г. для Китая.

С момента образования МНР играла особую стратегическую роль для СССР и в последующем для современной России. Она являлась «буфером» между СССР и КНР в период их непростых взаимоотношений. Существенной была помощь Монголии советскому народу в годы Второй мировой войны [10]. Так, Монголия одной из первых зарубежных стран выразила готовность помочь Советскому Союзу сразу же после начала Великой Отечественной войны, а ее разнообразная помощь была сравнима по объему с ленд-лизом [20, с. 463].

В настоящее время позиции КНР в мире усилились. Отношения между Россией и КНР характеризуются взаимовыгодным партнерством в экономике и альянсе против США. В то же время не стоит исключать вероятность территориальных претензий со стороны КНР. Одним из самых острых вопросов, где сталкиваются интересы двух сверхдержав, безусловно, является Монголия. Заметим, что в ряде китайских источников для обозначения Монголии используется термин «Внешняя Монголия», наглядно показывающий отношение китайских властей к этому вопросу. Проблема независимости Монголии, тесно связанная с Монгольской народной революцией 1921 г., на протяжении долгого времени явилась неразрешимым краеугольным камнем в китайско-монгольских отношениях. До сих пор появление суверенного Монгольского государства вызывает множество вопросов со стороны китайской общественности. Прежде всего, внимание обращается на имеющиеся место разногласия и противоречия в интерпретации событий в Монголии в начале XX в., в частности, на особенности революционного и национально-освободительного движения монголов. По мнению китайского исследователя Жун Цзюкуня, после распада СССР и улучшения отношений между Россией и КНР у китайских историков появилась возможность для проведения объективных исторических исследований. Основой для этого должны стать рассекреченные российские архивы. Особенно важны в этом плане архивные документы, содержащие сведения по советско-монгольским отношениям в начале XX в. [2].

Национально-освободительное движение монголов в начале XX в., по мнению китайского историка Кан Цзиань, было связано с деятельностью ведущих держав того времени, прежде всего царской России. Во времена правления Николая II была сформулирована доктрина Желтороссии, главной задачей которой была ослабление позиций Китая и усиление своего влияния в азиатском регионе. Также важными были планы России вернуть якобы свои территории, начинающиеся с гор Чогори, Синьцзяна и до Владивостока [4]. Поэтому с 1896 г. Россия усилила свое влияние в Монголии и начала принимать меры к созданию Желтороссии. В этом проекте были задействованы различные слои российского общества. Затем царская Россия вынудила Цинское правительство подписать ряд договоров, чтобы получить доступ на добычу полезных ископаемых и другие привилегии в Монголии [4]. В конце XIX — начале XX вв. уровень российско-монгольского торгово-экономического сотрудничества был высоким, филиалы российских торговых учреждений были открыты в Урге, Улясутае, Кобдо [7, с. 188]. Далее Кан Цзиань отмечает, что в такой враждебной обстановке Цинское правительство было вынуждено усилить свое военное присутствие в Монголии. Это привело к массовым беспорядкам и недовольству монгольского населения. Ситуация в Китае

в начале XX в. все более ухудшалась. К тому же в мире получила широкое распространение идея империализма, которая не обошла стороной и Монголию. Заручившись поддержкой царской России, монголы хотели образовать Великую Монгольскую Империю, куда входили бы также Внутренняя Монголия, Синьцзян и Тибет. Однако как царской России, так и западным державам было невыгодно иметь в Азии столь сильное государство. После окончания Первой Мировой войны идеи империализма еще глубже проникают в страны Востока. Этот момент сильно повлиял на дальнейшее развитие сепаратистских настроений в Монголии. Они еще более усилились после событий Октябрьской революции в России [4].

Другой китайский исследователь Цинской пишет, что после Синьхайской революции 1911 г. и падения Цинской империи Китай находился в состоянии хаоса и внутренней раздробленности. Этим положением воспользовалась царская Россия, спровоцировавшая сепаратистские настроения у монголов. В последующем при ее полной поддержке была объявлена независимость Монголии от Китая. Царская Россия не хотела останавливаться на достигнутом, постепенно пробираясь и во Внутреннюю Монголию. В результате была объявлена независимость Хулун-Буира. Только в 1916 г. Юань Шикаю удалось стабилизировать обстановку во Внутренней Монголии [12]. В этой связи интерес вызывает упоминание Цинсюем независимости Хулун-Буира. Известно, что после изгнания китайских властей в феврале 1912 г. амбань Хулун-Буира принял решение о вхождении региона в состав Монголии. По мнению некоторых исследователей, Хулун-Буир в 1912–1915 гг. являлся частью Монголии [14, с. 205–206]. Некоторые деятели — выходцы из Хулун-Буира — принимали активное участие в общественно-политической жизни теократической монархии, участвовали в переговорах на Кяхтинской тройственной конференции [13, с. 269–270].

Возвращение контроля Китая над Монголией, как отмечает Кан Цзиань, началось почти сразу после начала Первой Мировой Войны, когда все мировые державы были втянуты в длительное противоборство. В связи с этим Монголия осталась без влияния и поддержки царской России. В дальнейшем Монголия постепенно была возвращена в состав Китая. 28 октября 1919 г. генерал Аньхойской милитаристской клики Сюй Шучжэн ввел 4-тысячную армию в Ургу и заставил монгольских лидеров подчиниться центральному правительству Китая. По данным Кан Цзианя, «17 ноября 1919 г. Монголия вернулась в состав Родины» [4].

Дальнейшую историю монгольских событий описывает китайский ученый Жун Цзикунь. По его словам, после Октябрьской революции Советская Россия начала поддерживать Сухэ-Батора и Чойбалсана, создавших Монгольскую народную партию. В 1921 г. под их руководством были изгнаны китайские войска. В мае 1921 г. Красная Армия проникла

в Монголию, и начался новый период для Китая, при котором, как пишет Жун Цзикунь: «Наша великая страна потеряла 1750000 квадратных километров территории» [2]. В последующем СССР использовал Монголию как буферную зону по сдерживанию КНР. Далее китайский автор эмоционально отмечает, что «хотя прошли годы, и современные отношения с Россией стали дружескими, но в наших сердцах и памяти никогда не забыть столь большую утрату как Монголию» [2].

Согласно данным вышеотмеченного китайского автора Цинсюй, после создания своего правительства Монгольская народная партия выполняла требования Москвы. Монгольское правительство создало новый политический режим. Советские войска находились на территории Монголии в целях безопасности границ Советской России и отстаивания монгольских границ. В случае необходимости могли быть передислоцированы дополнительные силы для уничтожения врага [12]. Эти сведения Цинсюя согласуются с работой Кан Цзианя. Он отмечает, что после успеха революции 1921 г. и захвата власти Монгольской народной партией, Советская Россия вторглась во Внешнюю Монголию. Она претворяла в жизнь свои важные стратегические задачи. К этому времени китайское правительство начало положительно относиться к Советской России, даже ввелись переговоры по вопросу временного нахождения войск Советской России на территории Монголии. С этого момента были созданы хорошие дипломатические отношения между двумя странами [4]. Необходимо заметить, что в этот период статус Монголии до конца не был определен и монгольский вопрос приобрел неоднозначный двойственный характер [16, с. 64–65].

В целом, изученные нами китайские историки придерживаются твердых позиций непризнания суверенитета Монголии. Они считают, что Монгольская народная революция 1921 г. имела характерные особенности «оранжевой революции», прежде всего, благодаря активному вмешательству царской России, а затем и Советской России. Китайские историки убеждены в том, что «монгольский вопрос» более важен и актуален для Китая, нежели для России. По их мнению, «исторически эта территория была исконной частью китайской империи. Монголия стала независимой во время тяжелого периода раздробленности Китая. Относительно недавно эта священная земля была неотъемлемой частью империи, и на данный момент это воспоминание остается вечной болью утраты для граждан Китая» [2; 4; 12].

С другой стороны, в Китае имеются исторические работы, где описание Монгольской народной революции 1921 г. во многом согласуется с традиционными советскими и монгольскими разработками. Так, в статье китайского историка Лю Динаня, революционное движение монголов в начале XX в. связывается с классовой борьбой. Согласно его работе, 10 июля 1921 г. Монголия провозгласила независимость. В то время

монгольские лидеры и Монгольская народная партия совместными усилиями создали Монгольское народно-революционное правительство. Примечательно, что Лю Динань приводит речь Мао Цзэдуна, который первоначально выступил с поддержкой революционной борьбы монгольского народа. Приведем некоторые выдержки из речи Мао Цзэдуна: «Да здравствует независимость Монголии. Работа среди крестьянских и рабочих масс на границе с Китаем также имеет большое значение для нашей партии. Наша партия должна обратить внимание на особое положение Монголии, их экономические интересы и культурные проблемы. Монгольские скотоводы на протяжении столетий управлялись монархом Монголии, одураченные ламаизмом и эксплуатируемые китайским коммерческим капиталом. Китайские крестьяне также подвергались притеснениям со стороны китайских и монгольских помещиков. Хотя эти люди были политически и культурно отсталыми, развитие национального революционного движения должно вовлечь монгольский народ в политическую борьбу. Революционная работа среди монгольских народов должна быть направлена на объединение китайских крестьян и монгольских скотоводов для противостояния общим врагам: помещикам, князьям, империалистам, милитаристам и др.» [9, с. 79].

В этой связи интерес вызывают и мнения историков, монголов по национальности. Так, Аюдал Очир в своей статье пишет: «Монгольская революция 1921 г. имела огромное значение для монгольского народа, идеи социализма и коммунизма пробудили у монголов национально-освободительное движение, было построено огромное количество учебных заведений, создавались институты изучения монгольского языка и культуры, истории. Поэтому монгольская революция 1921 г. имеет большое значение не только для Внешней Монголии, но и для Внутренней Монголии. Она характеризовалась развитием национального самосознания и подъемом монгольского духа [1]. Статья Аюдал Очира издана в научном журнале Цзилиньского университета в 2013 г., его имя стоит близко к имени известного монгольского историка, этнографа Аюдайн Очира. Поэтому, мы предполагаем, что автором статьи может быть Аюдайн Очир. Он является доктором исторических наук, профессором Международного института изучения кочевых цивилизаций в г. Улан-Батор.

Для более объективного анализа позиций Китая по данной проблематике стоит обратить внимание на публикации современных монгольских и российских авторов. Основной причиной революционного движения монголов в первой половине XX в. монгольские историки считают национально-освободительное движение против китайского гнета. В монографии «История Монгольской народной революции» отмечается, что «...предпринимались активные действия китаизации Внешней Монголии. Планы Китая по превращению скотоводческих пастбищ в земледельческие угодья вызвали бурную реакцию монголов» [3, с. 142]. В

отличие от китайских историков монгольские исследователи полагают, что их национальное движение было связано с усилением патриотических чувств, вызванным экспансией Китая на протяжении многих сотен лет [Там же, с. 163]. Как известно, Китай и Монголия имеют различные культурные ценности. В отличие от оседлого и земледельческого Китая, монгольская культура определяется традиционной культурой кочевников [17, с. 11]. Население Монголии по-прежнему продолжает отдавать предпочтение кочевому скотоводству и кочевой культуре [19, с. 221]. С другой стороны, как показывают современные данные, вероятная утрата культурных ценностей кочевой цивилизации ныне является одной из актуальных проблем Монголии [18, с. 240–241].

Некоторые российские историки полагают, что одной из основных причин возникновения независимой Монголии явились последствия Синьхайской революции. Как отмечает исследователь Л.В. Курас: «... мировой капитализм и русское движение 1905 г. окончательно разбудили Азию... Революции 1905–1911 гг. в Иране, младотурецкая революция 1905–1906 гг. и особенно Синьхайская революция в Китае 1911–1913 гг. оказали большое влияние на страны Востока...» [6, с. 36]. Отдельные российские специалисты, в частности В.И. Терентьев, полагают, что «...до знакомства с коммунистическими идеями монголы в 1910-е гг. находились «в состоянии, близком к хаосу... единый народный порыв был чаще всего направлен против экономической эксплуатации китайцев и не являлся борьбой за общенациональные ценности» [11, с. 55]. Знакомство с революционными идеями и большевиками, делегации монгольских революционеров в Дальневосточную Республику и Советскую Россию положили начало вооруженной борьбе против китайских милитаристов. Особую роль в зарождении Монгольской народно-революционной армии и деятельности Монгольской народной партии сыграл г. Кяхта (Троицкосавск). В годы гражданской войны Кяхта стала стратегически важным центром разных сил и пережила череду драматических событий [15, с. 47–48]. 18 марта 1921 г. части Монгольской народно-революционной армии под командованием Сухэ-Батора заняли стратегически важный пункт — Маймачен [5, с. 141]. Китайские войска и гражданское население покинули Маймачен. Спустя некоторое время восточнее китайского Маймачена был построен приграничный поселок Алтанбулаг [8, с. 161].

Монгольские историки также выделяют влияние Японии на Монголию в начале XX в. По их мнению, Япония принимала активное участие в борьбе за свои сферы влияния в Монголии и прежде всего в Китае. После победы Октябрьской революции Япония активно проводила антибольшевистскую пропаганду в Монголии и Китае. Японцами были выделены огромные денежные средства монгольским феодалам и белогвардейцам в борьбе против большевизма. Единственно, монголы были

недовольны тем, что японцы активно помогали и китайским повстанческой армии, которая, как и весь Китай, не признавала независимость Внешней Монголии» [3, с. 153].

Таким образом, в настоящей статье мы осветили работы отдельных китайских, российских и монгольских историков, уделив особое внимание современным китайским публикациям. Выясняется, что в Китае продолжают считать объявленную после Монгольской народной революции 1921 г. независимость большой утратой китайского народа. Напротив, для Монголии этот период явился переломным, была обретена независимость и создано суверенное государство. Следует заметить, что эти вопросы, связанные с революцией и суверенитетом Монголии, остаются важными и для преемницы СССР — современной России. Монголия на протяжении многих десятков лет была и остается верным союзником России. Российской Федерации ныне необходимо приложить усилия для усиления своего влияния в Монголии.

Список использованной литературы и источников

1. Аюдал О. Краткая историография истории Монголии (1921–1996) / О. Аюдал // Журнал археологического исследовательского центра Цзилинского университета. — 2013. — № 871. — URL: <https://www.sinoss.net/qikan/uploadfile/2010/1130/6028.pdf>. (на кит. яз.)
2. Жун Цзикунь. Исследование политики, проводимой Советской Россией по отношению к Внешней Монголии (1918–1921 гг.) / Жун Цзикунь // Исследование Китайской республики. — 2018. — № 33. — URL: <https://new.qq.com/rain/a/20180611A171GY00> (на кит. яз.)
3. История Монгольской народной революции / сост. Б. Ширэндэв; отв. ред. Д. Гонгор. — Улан-Батор : Ин-т истории МАН, 1999. — 357 с.
4. Кань Цзиань. Монголия — большой шрам для территориальных владений Китая / Кань Цзиань // Сэгэн — 2017. — URL: http://www.sohu.com/a/126989235_439623 (на кит. яз.)
5. Курас Л. В. Монголия: «Алтанбулаг» — свободная торговая зона / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Власть. — 2013. — № 2. — С. 141–144.
6. Курас Л. В. Монгольский мир в начале XX в. в условиях революционного подъема. Современная российской-монгольская историография / Л. В. Курас // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. — 2015. — Т. 12. — С. 55–77.
7. Курас Л. В. Регионы Сибири и Монголия: проблемы и перспективы приграничного сотрудничества / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Власть. — 2013. — № 7. — С. 188–192.
8. Курас Л. В. Свободная торговая зона «Алтанбулаг» / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. — 2013. — № 1 (9). — С. 159–173.
9. Лю Динань. Внешняя Монголия в 1920-е и 1930-е годы / Лю Динань // Новая Монголия. — 2013. — Т. 5, № 77. — С. 77–83. (на кит. яз.)

10. Монголия во Второй мировой войне / рук. проекта, отв. ред. Л. В. Курас, С. Ганболд; науч. ред. Б. В. Базаров, Х. Шагдар. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2017. — 224 с.

11. Терентьев В. И. Поиски монгольской нации в освободительном движении 1911–1921 гг. / В. И. Терентьев // Вестник Томского государственного университета. История. — 2016. — № 1 (39) — С. 53–60.

12. Цинской. Провозглашение независимости Внешней Монголии в 1921 году / Цинской // Voxup. — 2005. — URL: https://boxun.com/news/gb/z_special/2005/07/200507110640.shtml (на кит. яз.)

13. Цыбенков Б. Д. Дауры в Монголии периода правления Богдо-гэгэна / Б. Д. Цыбенков // Монголоведение в современном мире: опыт исследований, перспективы развития : материалы межд. научной конф. «Улымжиевские чтения –Х». — Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2019. — С. 268–271.

14. Цыбенков Б. Д. К изучению истории дауров Хулун-Буира (1911–1917) / Б. Д. Цыбенков // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. — Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. — С. 201–210.

15. Цыбенков Б. Д. Кяхта в огне гражданской войны (с 1917 по январь 1920 г.) / Б. Д. Цыбенков, Л. В. Курас // Кяхта — национальное достояние России : материалы межд. науч.-практ. конф. — Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2018. — С. 45–49.

16. Цыбенков Б. Д. Монголия: от статус-кво до юридического признания / Б. Д. Цыбенков // Известия Восточного института. — 2015. — № 3 (27). — С. 64–72.

17. Энхтувшин Б. Глобализация и традиционное скотоводство монгольских кочевников / Б. Энхтувшин, Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Власть. — 2013. — № 10. — С. 11–16.

18. Энхтувшин Б. Глобализация и традиционное скотоводство монгольских кочевников / Б. Энхтувшин, Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Гуманитарный вектор. — 2013. — № 4 (36). — С. 235–243.

19. Энхтувшин Б. Традиционное скотоводство монгольских кочевников в условиях глобализации / Б. Энхтувшин, Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. — 2013. — № 4 (12). — С. 208–223.

20. Эрдэнэбаяр Г. Россия — Монголия: по пути стратегического партнерства / Г. Эрдэнэбаяр // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. — 2017. — Т. 16, № 3. — С. 462–476.

Информация об авторе

Очиров Цыден Солбонович — аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. 670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: tsyden.ochirov@mail.ru.

Author

Tsyden S. Ochirov — postgraduate Student, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanovoyst., Ulan-Ude, 6670041, e-mail: tsyden.ochirov@mail.ru.